

обогатился такими понятиями, как "солнце", "голубое небо", с которыми он сравнивает ее? Что делала эта женщина до встречи с Андреевым? Как жила? С кем общалась?

Жила — трудно. В восемнадцать лет вышла замуж, превратившись из Денисевич в Карницкую, но довольно быстро вернула себе прежнюю фамилию. "Муж ей слово сказал, она с ним в пять минут развелась", — говорится в одной из андреевских пьес про главную героиню, образ которой навеян опять-таки Анной Ильиничной. Одним словом, Анна Ильинична развелась, вот только жила теперь уже не одна, а с дочерью Ниной.

"Нина была застенчива, слезлива и ласкова, — вспоминает сын Андреева Вадим. И добавляет: — Через несколько месяцев она стала моей сводной сестрой: отец женился на ее матери".

Тут память подводит мемуариста: сие судьбоносное событие в жиз-

но мы именно его процитируем, поскольку в своем очерке об Андрееве Горький ярче других мемуаристов запечатлел своеобразную устную речь писателя. "Говорил он торопливо, глуховатым, бухающим голосом, простуженно кашляя, немощно захлебываясь словами и однообразно размахивая рукой, — точно дирижировал".

Но вот рука замерла, голос стал еще глуше, упал. Читались обращенные к Анфисе слова возлюбленного: "Опять улыбаешься. Не нравится мне твоя улыбка — какую же ложь приговорила ты, Анфиса? Ну-ка, взгляни на меня! Глаза у тебя правдивее, чем рот".

Так что же все-таки было в том страшном, случайно найденном письме — в пьесе, кстати, о нем нет ни слова? Как явствует из андреевского дневника, из все той же ночной сентябрьской записи 1908 года, то было "письмо от бывшего любовника, З., ее упрекающее, что

Забудь! Он бы и рад забыть, да только память, как известно, живет по своим собственным законам. Вот и спустя три года в пьесе "Екатерина Ивановна", героиня которой также напоминает Анну Ильиничну, говорится о женщине — и о женщине конкретной, то бишь Екатерине Ивановне, и о женщине вообще: "то ли она распутничает, то ли она молится своим распутством или там упрекает кого-то... Вечная Магдалина, для которой распутство или начало, или конец, но без которого совсем нельзя, которое есть ее Голгофа, ее ужас и мечта, ее рай и ад".

И все-таки знак равенства между героиней и прототипом ставить нельзя. Образы и Екатерины Ивановны, и Анфисы — это соединение многих женщин, которых Леонид Андреев знал, причем знал не обязательно близко. Иногда было достаточно двух-трех взглядов со стороны, а то и чего-нибудь мимолетного рассказа, намека, скупой газетной заметки. Словом, импульс к творчеству мог быть самым разным, подчас весьма незначительным, и вот уже перо летит по бумаге. (Писал Андреев невероятно быстро.) "Как легко описывать чужую возлюбленную и как невозможно свою! — сокрушается он. Но тут речь о художественных произведениях — рассказах, повестях, пьесах. Понятно, что в том же дневнике никаких препятствий для описания собственной возлюбленной и своего отношения к ней не было.

"Люблю ли я Анну? — вопрошает он себя. И отвечает однозначно: — Да. Люблю очень сильно, глубоко

и крепко; потеря ее мне кажется невыносимой и страшной, разойтись с ней мог бы лишь при одном условии: исчезновении любви с ее стороны".

Запись эта сделана во время их вынужденного заточения в финской глуши, отрезанной от России с ее катаклизмами государственной границы. Андреев тосковал. Андреев не находил себе места. Андреев чувствовал себя, как зверь в клетке, но, верный себе, строил грандиозные планы — мечтал о поездке в Америку. А смерть уже стояла рядом.

"И никого и ничего вокруг! И все те же домишки, и заборы, и сосны, и небо. И все убого, так убого!"

Кто пишет это? Леонид Андреев? Нет, это пишет его жена Анна Ильинична. Она тоже вела дневник, но мысли ее — не о себе, не о своей тоске, не о свалившейся на ее семью нищете и даже не о детях. Все ее мысли — о нем.

"Смотришь и ищешь, на что бы указать ему, что бы хоть чуть было интересно — и нет ничего, и никакой помощи ниоткуда. И мысль неотвязная: вот он умирает здесь, в глуши. Он! Ему бы даль океана, солнце и розы и..."

Прервем цитату. Сделаем паузу. Сосредоточимся, дабы не проскочить мимо удивительных, быть может, единственных в своем роде слов той, кем навеян образ "вечной Магдалины".

"Ему бы даль океана, солнце и розы, и прекрасную женщину дать, все он заслужил, так уж достоин всего — и ничего: корявые березки, да я, все я".

Это она о себе. И это она для него, самого дорогого человека, единственного и незаменимого мужчины мечтает о прекрасной женщине, которая хотя бы на день, на час, на минуту заняла бы ее место. А если он пожелает, то и навсегда — лишь бы ему было хорошо. Лишь бы разгладилась складка на его лбу.

"Вечная Магдалина" ошибалась. "Прекрасная женщина", которую он "заслужил", была рядом с ним.

До конца. До последнего мгновения...

Руслан КИРЕЕВ.

ВЕЧНАЯ МАГДАЛИНА

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Смерть настигла его в сентябре 1919 года в финской деревушке Нейвала, недалеко от России, о которой он исступленно думал все последнее время и от которой оказался отрезанным государственной границей, поскольку Финляндия от большевистской России отделилась. Жить оставалось считанные дни, он не может без посторонней помощи переместиться из одной комнаты в другую и в то же время строить планы о путешествии в Америку.

Леонид Андреев вообще ни в чем не знал меры. "Он любил огромное", — так начинает очерк о нем Корней Чуковский. Да, Андреев ни в чем не знал меры: если уж ехать куда, то на другой конец света; если строить дом, то это должен быть не дом, а дворец, замок, чертоги. (Нечто подобное и отгрохал в Финляндии на берегу Черной речки.) Если любить — то до конца, до самозабвения. "Как воздух, как еда, как сон — любовь составляет необходимое условие моего человеческого существования", — сформулировал он для себя еще в юности.

А если не отвечают взаимностью? Что ж, для человека, который не знает меры, это означает только одно: пора убираться из жизни. Что с присущей ему решимостью и пытался совершить, причем не однажды: на теле остались следы этих неудавшихся попыток. "Человек, который не пробовал убить себя, дешево стоит", — сказал он однажды Горькому.

О самоубийстве размышляют и многие персонажи Андреева, в том числе и герой пьесы "Екатерина Ивановна". Герой, да не главный. Главным действующим лицом выступает, как это нетрудно понять из названия, женщина. Уже в первом действии супруг в приступе ревности палит в нее из пистолета — с этого, собственно, и начинается пьеса, которую автор предложил Художественному театру.

В театре мнения разделились. Немировичу-Данченко драма понравилась — он взялся ее ставить, а Станиславский и многие ведущие актеры, апологеты жизненной правды, считали, что автор все выдумал: таких-де, как Екатерина Ивановна, просто не существует в природе — уж больно темна и противоречива ее душа.

Андреев с подобной трактовкой не соглашался. Доказывал, сердясь, что героиня его вполне жизненна. Более того: в одном из писем он утверждал, что лично "знал и видел близко" такую женщину.

Прежде у него подобных героинь не было. А раз так, то напрашивается предположение, что до определенного момента он просто

не знал таких женщин, не "видел близко".

И вот — увидел. И вот — узнал. Где? Каким образом? Этому предшествовало событие трагическое: внезапная смерть первой жены от послеродовой горячки. Ей было всего двадцать пять, она боготворила мужа и, умирая, наказала своей матери: "Скажи ему, чтоб он женился". И вот эта мысль — мысль о новой женитьбе — стала все настойчивей овладевать им. "Он строил на этот счет совершенно конкретные проекты самого фантастического свойства, — вспоминал позже Вересаев. — Впечатление от него было такое: душа металась и тосковала, замерзала в жутком одиночестве, и ему казалось: найти любящую женскую душу — и все в нем выпрямится, и все будет хорошо".

Легко сказать — найти. Как будто любящие души валяются на дороге! Легко сказать — найти, если не только жену, но и секретаршу (просто секретаршу) подобрать оказалось делом весьма непростым.

На помощь пришел Корней Чуковский. Именно он привел в дом знаменитого писателя свою давнюю знакомую Анну Ильиничну Денисевич. В начале 1908 года она стала секретарем Андреева. Второго марта он отправляет ей записку, которая начинается предупреждением: "Сие есть официальное". И далее следует сугубо деловая фраза: "Посылаю деньги за первый месяц Вашего секретарского служения". Подпись: Леонид Андреев, а под ней: "А сие неофициально: завтра вечером жду". После чего — еще одна фраза, явно свидетельствующая о том, что отношения этих двух людей вышли за рамки "секретарского служения". "Лучше бы Вы сожгли в камине сегодняшнее Ваше письмо, чем вчерашнее".

И подпись: Леонид. Не Леонид Андреев, а просто Леонид.

Пока еще он на "вы" со своей секретаршей, но уже очень скоро переходит на "ты".

"Так странный день, когда тебя не видишь. Пустой, слепой, кривой, глухой и немой день. Даже спать ложиться как-то нелепо. И все ждешь чего-то. Кого-то. Тебя, должно быть?"

ни его отца произошло не через несколько месяцев после появления девочки Нины и ее матери, а гораздо раньше, всего через несколько недель. Впрочем, состояние неопределенности не могло продолжаться долго: столь неистовым было охватившее Андреева чувство.

"После вчерашней тяжелой и бессонной ночи я ждал тебя — ты должна была прийти. — Слова "ждал" и "тебя" в письме подчеркнуты. — Ничего делать я не мог. К 4 часам, когда увидел, что тебя, вероятно, не будет, я пришел в такое состояние, когда хочется кричать от боли, от тоски, от напряжения".

Долго ли в состоянии женщина выдерживать такую бешеную атаку? Недолго... Если в начале марта они еще были на "вы", то уже в апреле стали мужем и женой. Счастливым, казалось бы, конец — ан нет! Кульминация драмы (драма — излюбленный жанр Леонида Андреева) наступила позже. О том, как случилось это, он подробно и бесстрашно рассказал в своем дневнике.

"...В ее ласках чувствовалось что-то привычное к мужчине, и это внушало ужас. И много раз с великой тоской расспрашивал ее, были мучения и слезы; и она дала мне честное слово, что так, и неоднократно подтверждала его. Клялась в том, что ни "один мужчина, кроме К., не поцеловал ее".

К. — это Карницкий, бывший муж, к нему муж нынешний не ревновал. И вот в конце июня, во время белых ночей, ей срочно понадобилось в Петербург. Он любезно отвез ее на станцию, "а потом, дома, роясь случайно в бумагах, я нашел письмо. Пожалуй, это было самое страшное, что я нашел в жизни".

Перед нами — не рассказ, не пьеса, перед нами, повторяем, дневник. Запись сделана ночью, но уже не белой, а "черной", черной во всех смыслах слова. Дата — 8 сентября 1908 года, после той злодейской находки минуло сорок дней, он отмечает это, как отмечают смерть любимого человека. (Смерть — одна из главных тем Андреева, он писал и говорил о ней постоянно.)

"С тех пор прошло сорок дней и ночей, — до сих пор я не уверен, что знаю всю правду. Уличенная, расскажет что-нибудь, но наполовину солжет".

Ровно через год после этой дневниковой записи, в сентябре 1909 года в доме директора Нового драматического театра А.Я.Леванта состоялось первое чтение "Анфисы". Горького не было там,

она покидает его для меня, с воспоминаниями о другом, ранее бывшем любовнике, Р. Все оказалось, значит, ложью: чистая оказалась развратной, честная — бесчестной; правдивая — чудовищем лжи и предательства..."

Зная характер Андреева, можно с уверенностью сказать, что все это не только выплескивалось на бумагу, но и высказывалось вслух, хотя, может быть, и не в столь резкой форме. В рассказе "Проклятие зверя", написанном как раз в тот период творчества, автор сетует, что-де "когда бываешь с женщинами, приходится сдерживаться, и гнев хорошо знает это: он свертывается в острый колючий клубок и тихонько лежит в душе, только изредка покаяывая и холодея". Однако по воспоминаниям современников известно, что сдерживался Леонид Николаевич далеко не всегда, гнев его был скор и горяч. Что же, интересно, отвечала мужу в таких случаях Анна Ильинична?

А вот что: "То был мой позор. То была ошибка, за которую я наказана".

Это — из пьесы "Анфиса", в главной героине которой черты Анны Ильиничны проступают весьма отчетливо...

А еще Анфиса говорит, причем говорит "строго" — в ремарке употреблено именно это слово: "Никогда не вспоминай мне этого, слышишь? Этого не было никогда. Я ничего не помню, и ты забудь, и пусть никто не знает о моем позоре".